

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

UDC 811:81'286
LBC 81.003

Submitted: 03.11.2019
Accepted: 11.05.2020

NEW TRENDS IN MULTILINGUALISM AND MINORITY LANGUAGES ON A GLOBAL SCALE

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines current trends in language policy and attitudes towards multilingualism and minority languages in the European Union, the USA, and Australia. On the example of some languages (Basque, Breton, Corsican, Sámi etc.) various factors affecting the current situation of minority languages are analyzed with priority to the state language policy. Special attention is concentrated on a new phenomenon in European sociolinguistics – the emergence of “new speakers” from minority groups who have learned these languages not in the family, but due to the educational system. Regarding the US language policy, the situation with the languages of North American Indians is described through some positive changes that have occurred in the economic, legal, cultural and linguistic environment of Indian tribes. The Australian case is analyzed as an equally striking example of progress from banning the use of aboriginal languages to modern programmes of their revitalisation. On the basis of the considered cases the author points to the importance of such factors as language activism and the financial and economic situation of minorities themselves. It is concluded that the change in the value paradigm only sets the framework conditions for the implementation of language rights but does not guarantee their success.

Key words: language situation, language attitudes, minority languages, multilingualism, “new speakers”, revitalization.

Citation. Khilkhanova E. V. New Trends in Multilingualism and Minority Languages on a Global Scale. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 64-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

УДК 811:81'286
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 03.11.2019
Дата принятия статьи: 11.05.2020

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МНОГОЯЗЫЧИЮ И МИНОРИТАРНЫМ ЯЗЫКАМ В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Эржен Владимировна Хилханова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций в языковой политике и отношении к многоязычию и миноритарным языкам в странах Евросоюза, США и Австралии. На примере отдельных

языков (баскского, бретонского, корсиканского, саамского и др.) исследуются факторы, влияющие на современное положение миноритарных языков. Особое внимание уделяется новому феномену в европейской социолингвистике – появлению «новых говорящих» на миноритарных языках. При описании языковой политики США акцент делается на языках североамериканских индейцев и тех позитивных изменениях, которые произошли в экономической, юридической и культурно-языковой ситуации индейских племен. Ситуация в Австралии показана как пример прогрессивного изменения государственной языковой политики – от запрета на использование аборигенных языков до современных программ их ревитализации. На основе рассмотренных кейсов в аспекте изменения отношения к миноритарным языкам показана значимость таких факторов, как языковой активизм и экономическое положение этнических меньшинств. В заключении делается вывод о том, что изменение ценностной парадигмы лишь задает рамочные условия для реализации языковых прав, но не гарантирует их успешности.

Ключевые слова: языковая ситуация, отношение к языкам, миноритарный язык, многоязычие, «новые говорящие», ревитализация.

Цитирование. Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 64–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

Введение

Динамика языковых контактов многоязычных сообществ тесно связана с историей соответствующей страны и господствующей в то или иное время идеологией. Такие факторы, как колонизация (с конца XV в.), промышленная революция (рубеж XVII–XVIII вв.) и особенно создание национальных государств (примерно с XIX в.), определили формирование превалирующего ныне типа многоязычия, при котором существует языковая иерархия со статусным делением языков на мажоритарные и миноритарные, официальные и региональные и т. д.

В рамках статьи мы не будем глубоко вдаваться в терминологические проблемы социолингвистической классификации языков, но оговорим, что термин «миноритарные языки» (языки меньшинств) будет использоваться нами в отношении всех языков, соответствующих двум критериям: количественному и функциональному. Следовательно, объектом анализа в данной статье являются языки тех этносов, которые представляют демографическое меньшинство в регионе своего проживания, и языки, функции и сфера использования которых ограничены по сравнению с официальными языками данного региона.

До второй половины XX в. положение миноритарных языков было крайне неблагоприятным. Впервые права меньшинств на поддержание своих языков и культур были подтверждены в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах

1967 года. Статья 27 Пакта заявляет о том, что этнические, религиозные и языковые меньшинства имеют права «пользоваться своей культурой, использовать свою религию, а также пользоваться родным языком» [International Covenant..., 1967]. До принятия данного соглашения культурные и языковые права народов или просто игнорировались, или весьма ограничивались (подробнее об этом см.: [Смокотин, 2010б, с. 12]).

Принятие Пакта – это точка отсчета новой идеологической парадигмы, построенной на признании ценностей многоязычного и поликультурного общества. Процесс начался в Западной Европе и был вызван либерализацией экономической, политической и социальной жизни в западных странах после Второй мировой войны. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., наряду с экономическими и политическими правами признаются культурные права для всех, без каких-либо ограничений (анализ этого документа см. в: [Смокотин, 2010а, с. 6]). Подписание в 1992 г. Маастрихтского договора о создании Европейского союза знаменует качественно новый этап не только политической и экономической интеграции европейских стран, но и, как показано В.М. Смокотиным, изменения языковой политики в Евросоюзе с целью осуществления законодательной поддержки многоязычия и языкового разнообразия и преодоления языковых и культурных барьеров не за счет принятия доминирующего языка в качестве единственного официального и рабочего языка Союза, а путем отказа от традиционной политики одно-

язычия европейских государств-наций [Смоктин, 2010а, с. 10].

Несмотря на то что Западная Европа является лидером в проведении такой политики, изменение отношения к языковому и культурному разнообразию и к миноритарным языкам, которые преимущественно и создают это разнообразие, произошло во всех западных странах, но имеет свою специфику в каждой из них. Например, в США в настоящее время осознание обществом ценности этнических языков и важности их сохранения происходит на фоне активной деятельности движения «Только английский» (English only). Закон «Только английский» в той или иной форме был принят в 23 штатах. В некоторых штатах английский язык был объявлен официальным языком, в других были приняты указы об ограничении или запрещении использования других языков, кроме английского, при предоставлении правительственной помощи или услуг (см. об этом: [Скачкова, 2013]).

Таким образом, мы видим, что ценностный перелом в общественном сознании произошел, но и «старая» идеология, легитимизирующая языковую иерархию в пользу доминирующих языков, также имеет место. Соответственно, положение миноритарных языков определяется либо инерцией прошлых лет, ведущей к их постепенному исчезновению, либо новым подходом, способствующим их ревитализации и возвратному языковому сдвигу (reverse language shift).

Перелом в отношении к миноритарным языкам не совсем осознан как профессиональным лингвистическим сообществом, так и обычными гражданами. В лингвистической литературе часто можно встретить пессимистическую оценку и прогнозы относительно будущего миноритарных языков. Действительно, с одной стороны, очевидно исчезновение миноритарных языков, настолько серьезное к началу XXI в., что некоторые ученые даже описывают это как форму «лингвистического геноцида» [Skutnab-Kangas, 2000]. Согласно многочисленным прогнозам, при нынешних темпах вымирания языков примерно 7 000 языков мира исчезнут к концу этого столетия (см., например: [Romaine, 2015, p. 31]).

С другой стороны, более пристальный взгляд на многоязычные языковые ситуации

в мире обнаруживает новые тенденции в языковой политике, отношении к многоязычию и миноритарным языкам, которые корректируют представление об однолинейности и однонаправленности языковой динамики только в сторону утраты языков. Наряду с исчезновением, есть и много примеров возрождения языков – возрождения достаточно масштабного, чтобы говорить о мировой тенденции.

Сказанное обуславливает актуальность изучения современного положения миноритарных языков с учетом указанных разнонаправленных тенденций. Цель данной статьи состоит в аналитическом осмыслении современных тенденций, влияющих на положение и перспективы миноритарных языков в глобальном масштабе.

Материал и методы исследования

Ввиду диктуемых форматом статьи ограничений, тенденции изменения отношения к миноритарным языкам будут рассмотрены на материале некоторых языковых ситуаций, сложившихся в странах Западной Европы, США и Австралии (об идентификации Австралии как западной страны см.: [Хантингтон, 2003]). Тем самым будут представлены три континента: Евразия, Северная Америка и Австралия, что даст основание утверждать, действительно ли эти тенденции имеют глобальный характер. Другими словами, в статье реализован макросоциолингвистический подход с использованием метода лингвистической интерпретации социолингвистических данных в сравнительном аспекте. Подчеркнем, что масштабность географического охвата с очевидностью предполагает акцент не на детальном анализе многоязычных языковых ситуаций в отдельных регионах, а на выявлении глобальных тенденций в этой сфере.

Информационной базой послужили преимущественно вторичные источники (опубликованные результаты исследований) в области социолингвистики, но также были задействованы и первичные источники (тексты официальных документов, статистические сведения, лингвистические базы данных, тексты СМИ на темы языковой политики в отношении миноритарных языков и языковой ситуации с ними).

Результаты и обсуждение

Страны Евросоюза. Современный Европейский союз (далее – Евросоюз, ЕС) включает 28 европейских стран. Это уникальное геополитическое объединение, сочетающее признаки международной организации и государства, но не являющееся юридически ни тем ни другим. В лингвистическом плане многоязычие всегда было одной из целей и одним из основополагающих принципов ЕС. Представители Евросоюза неустанно подчеркивают отличие ЕС от США, указывая на то, что Евросоюз – не плавильный котел, а безопасный дом для всех культур и языков, где они мирно живут рядом друг с другом и развиваются. Это в определенной степени действительно так: почти все официальные языки государств, входящих в ЕС, – официальные языки на уровне ЕС; все государства – члены ЕС на заседаниях Европейского парламента имеют право говорить и слушать выступления членов Европарламента на своем родном языке; законодательство ЕС было переведено на все его официальные языки (подробнее об этом см.: [Кожемяков, 2015]).

Тем не менее теория и практика многоязычия не всегда соответствуют друг другу. Многие комитеты и должностные лица ЕС ведут работу на трех основных рабочих языках: английском, французском и немецком. Эта практика противоречит концепции многоязычия, но члены ЕС вынуждены ей следовать, поскольку строгое соблюдение всех языковых процедур, установленных в договорах, существенно замедлило бы процесс принятия решений ввиду большого количества официальных языков ЕС (24 языка на момент написания данной статьи – октябрь 2019 г.).

Теория и практика расходятся еще больше, когда речь заходит о миноритарных языках. Согласно статистике, в странах Евросоюза от 40 до 50 миллионов человек говорят на одном из 60 региональных и миноритарных языков [Regional and Minority Languages..., 2016]. Несмотря на декларируемый принцип многоязычия и равенства всех языков и культур, сегодня положение миноритарных языков в государствах Евросоюза отнюдь не одинаково: одни страны действительно добились впечатляющих успехов в ревитализации своих язы-

ков, другие по-прежнему борются за их признание и сохранение. Рассмотрим эти две тенденции на примере конкретных языков.

Одно из наиболее ярких достижений политики регионализма и защиты лингвистических прав человека в Европе – это баскский язык. Он является языком меньшинства даже в Стране Басков (Автономное Сообщество Страна Басков – часть одноименного исторического региона, территория которого распространяется также на Автономное Сообщество Наварра (тождественное одноименной испанской провинции) и Северную Страну Басков на юге Франции): на нем говорит около одной трети населения. Он был исключен из общественной сферы во время диктатуры Франко в Испании на протяжении многих десятилетий XX в., сохранился преимущественно в сельской местности, но преподавать на нем в школе было запрещено. Сравнение данных обследований 1991 и 2011 гг. показывает, что доля басков, говорящих на баскском, в Автономном Сообществе Страна Басков в Испании увеличилось с 24 до 32 %, в Наварре – с 9,5 до 11,7 %, благодаря политике, направленной на поддержку баскского языка. При этом во французской части Страны Басков количество говорящих на баскском, наоборот, сократилось с 33 до 21,4 % за тот же период. В Стране Басков баскский, испанский и иностранный языки (в большинстве случаев английский) являются обязательными школьными предметами и родители могут выбрать баскский, испанский или оба языка в качестве языков обучения для своих детей. В начале XXI в. баскский язык стал основным языком обучения в начальной и средней школе.

Примечательно, что многие родители, которые сами не говорят на баскском, предпочитают, чтобы их дети получали образование на баскском языке не только в силу мотивации идентичности, но и потому, что баскский может быть полезен для их детей на рынке труда. Поддерживаемый сильной языковой политикой, баскский язык сегодня используется в таких секторах, как здравоохранение, администрация, высшее образование, вплоть до правительственного уровня [Cenoz, Gorter, 2017, p. 902]. В настоящее время можно представить юридические документы или защитить докторскую диссер-

тацию на баскском языке даже по таким дисциплинам, как неврология или физика [Cenoz, Gorter, 2017, p. 903] – то, о чем носители многих других миноритарных языков могут только мечтать.

Появление молодых людей, усвоивших миноритарный язык не в семье, а в школе, как в примере с баскским языком, – это новый феномен, ставший в последнее время объектом изучения европейских социолингвистов и получивший название «новые говорящие» (*new speakers*). В контексте исследования миноритарных языков под «новыми говорящими» имеются в виду люди, которые были воспитаны на мажоритарном языке, но которые в ключевые моменты своей жизни (как правило, в подростковом или раннем взрослом возрасте) приняли сознательное решение перейти на миноритарный язык. Порой это решение включает в себя отказ от говорения на своем первом языке вообще, как это происходит, например, в Галиции – исторической области на северо-западе Испании, когда «неофаланте» (новые говорящие), выросшие в испаноязычной среде, впоследствии перешли на галисийский язык [O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 93]. То же самое можно сказать о корсиканском языке: согласно данным исследования Ф. Пестея, сегодня на Корсике для многих молодых людей корсиканский не является языком, усвоенным с детства, большинство выучили его в возрасте после 18 лет, будучи активистами корсиканского движения либо находясь в поисках идентичности [Пестей, 2013, с. 135]. Другой пример – саамы в странах Северной Европы. Северосаамский язык, количество носителей которого в Норвегии, Швеции, Финляндии суммарно составляет всего 25 700 человек [Ethnologue..., 2020], благодаря усилиям языковых активистов сегодня находится на подъеме.

«Новые говорящие», осваивающие миноритарные, непрестижные в недавнем прошлом (а порой и сейчас) языки, – явление беспрецедентное. Это не «многоязычие малых языковых сообществ», когда каждый житель многоязычной территории мог говорить на нескольких соседних языках. Такая ситуация была характерна для прошлого, а в настоящем, в эпоху (пост)национальных государств, осваивать язык небольшой этни-

ческой группы, не приносящий дивидендов на современном «лингвистическом рынке» [Бурдьё, 2005], в отличие от владения доминирующим или суперцентральной языком типа английского, – это значит идти «против течения». «Новые говорящие» своим нетривиальным решением оказывают сопротивление языковому сдвигу в пользу мажоритарных языков, и порой достаточно успешно: есть случаи, когда языки меньшинств обязаны своим существованием только появлению «новых говорящих». Например, общепризнано, что последний носитель мэнского языка умер в 1974 г., однако на этом языке сегодня говорят люди, которые в основном усвоили его через образовательные инициативы и свою личную приверженность мэнской культуре. Таким образом, «новые говорящие» вносят вклад в поддержку языков меньшинств, что, по мнению некоторых исследователей, в перспективе может способствовать остановке упадка данных языков (см., например: [Murchadha et al., 2018, p. 9]).

Примеры успешного вмешательства «новых говорящих», казалось бы, в неизбежные процессы языкового сдвига и исчезновения миноритарных языков не ограничиваются мэнским языком. Говорить о том, что эта тенденция набирает силу в западноевропейских странах, позволяют уже довольно многочисленные примеры: гэльский язык в Шотландии [Dunmore, 2018], уэльский (валлийский) язык в Уэльсе [Selleck, 2018], гернсийский язык в Гернси (некоторые считают его гернсийским диалектом нормандского языка) [Sallabank, Marquis, 2018], галисийский язык в Испании [O'Rourke, Ramallo, 2018].

Важным моментом в решении перейти на миноритарный язык, помимо мотивации идентичности, является наличие такой возможности. Это значит, что миноритарный язык преподавался в школе в том объеме, который позволяет человеку выйти на уровень говорения. Как показано в статье Б. О'Рурк и Ф. Рамалло, «новые говорящие» на галисийском языке – это продукт языковой политики в этом регионе с 1980-х гг., после перехода Испании к демократии и включения галисийского языка в те сферы использования, в которых он раньше отсутствовал, в том числе в сферу образования и государственного управления

[O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 94]. То же верно и в отношении баскского языка.

Однако, как уже было сказано, не во всех странах Евросоюза процессы ревитализации миноритарных языков протекают столь успешно, что обусловлено множеством причин и факторов. Доминирующим является политический, государственный фактор. Традиционно централистские государства, такие как Франция или Греция, подавляли региональные и миноритарные языки с момента своего образования. Это видно на примере баскского и бретонского языков во Франции. Так, на бретонском языке говорят 304 тысячи человек на всей территории французской метрополии [Ле Коадик, 2013, с. 106–107], они ведут ежедневную борьбу, чтобы помочь своему языку выжить [Breton in France..., 1992]. В настоящее время на бретонском языке говорят только пожилые люди и сельские жители. Языковой сдвиг в сторону французского языка очень силен, особенно среди младшего поколения, так как владение французским языком считается важным для их карьеры. Взгляды ученых на положение бретонского языка, однако, различаются. Одни полагают, что, если Франция не пожелает принять меры в поддержку бретонского языка, не так уж много можно сделать для его ревитализации [Breton, 1999, p. 93–94]. Национальные государства вольны поступать с языками так, как они хотят, и ни один закон ЕС не может на это повлиять. Другие считают, что языковая политика Франции определяла положение бретонского языка в прошлом, но сегодня противником его является скорее «внутренний враг – сами бретонцы, подчинившиеся государственной идеологии монолингвизма, смирившиеся со своим коллективным положением угнетенного меньшинства и отказавшиеся от своего языка ради социальных выгод» [Ле Коадик, 2013, с. 122].

США. Так же, как в России все языки являются миноритарными по отношению к русскому языку, в США все языки являются миноритарными по отношению к английскому языку. По данным всемирной базы языков «Ethnologue», общее количество живых языков, на которых говорят американцы, составляет 364, из которых 176 – это языки коренных народов США, в первую очередь американских индейцев. Несмотря на то что коли-

чество американских индейцев по отношению к общей численности населения США составляет всего 1 %, очевидно, что их языки вносят значительный вклад в языковое разнообразие страны [Смокотин 2010б, с. 54–55].

Именно на языках американских индейцев мы хотели бы сделать акцент в данной статье, поскольку на примере этих, подвергшихся самой жестокой дискриминации, языков и их носителей особенно хорошо видна эволюция отношения американского общества к миноритарным языкам и этносам. Языки коренного населения сохраняются в основном в индейских резервациях, где и в настоящее время многие свободно говорят на языках своих предков. До 1924 г. у американских индейцев не было гражданства и права голоса. Перед Первой мировой войной во многих штатах были приняты законы, запрещающие ведение занятий в государственных и частных школах на других языках, кроме английского. Как отмечает И.И. Скачкова, «с помощью таких законов, в сочетании со строго ограничительным иммиграционным законодательством и активной риторикой, направленной против всего иностранного, так называемое движение американизации попыталось осуществить быструю, принудительную аккультурацию всех без исключения иммигрантов во имя национального единства» [Скачкова, 2013].

После Второй мировой войны общественный подъем и рост самосознания американских индейцев на фоне широкого движения за гражданские права привели к признанию прав коренного населения и ценности их культурного наследия. Пик борьбы индейцев за свои права против власти Бюро по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs – BIA) пришелся на 1960–1970-е годы. Это время Индейского Ренессанса, когда такие писатели, как Н. Скотт Момадэй (N. Scott Momaday) и Вайн Делория (Vine Deloria), а также воинственное Движение американских индейцев (AIM) впервые смогли привлечь внимание американского большинства к проблемам индейских земель. Это был период расцвета проиндейского законодательства, когда конгресс и Верховный суд США начали восстанавливать суверенитет индейцев и разбираться со множеством несправедливостей и преступлений, совершенных против индейцев как феде-

ральным правительством, так и отдельными штатами [Уоррен, 2019].

Результатом этой деятельности стали постепенный отказ от ассимиляционной политики, переход к политике мультикультурализма и принятие ряда законодательных актов, направленных на обеспечение прав аборигенных жителей. Закон о гражданских правах индейцев (Indian Civil Rights Act) 1968 г. обеспечил распространение положений Билля о правах на индейские племена. Закон о свободе религии американских индейцев (American Indian Religious Freedom Act), принятый в 1978 г., отменил действовавшие ранее запреты на традиционные верования коренных народов. В соответствии с этим законом устанавливалось право племен участвовать в принятии решений по управлению землями, на которых расположены сакральные места. Закон о благополучии детей индейцев (Indian Child Welfare Act) 1978 г. запретил распространную практику отрыва детей от своего племени. Закон о самоопределении и содействии образованию индейцев (Indian Self-Determination and Education Assistance Act) 1975 г. закрепил право племен самостоятельно распоряжаться грантами, которые выделяются правительством [Голомидова, Сабуров, 2016, с. 67–68].

В книге американского писателя и антрополога индейского происхождения Дэвида Тройера (David Treuer) «The Heartbeat of Wounded Knee: Native America from 1890 to the Present» говорится, что сегодня «страна индейцев» в целом движется по восходящей траектории. Многие индейские общины или процветают, или идут к процветанию благодаря новому духу предпринимательства, который выходит далеко за рамки игорных заведений, рыбалки и лесозаготовок, и нарождающемуся индейскому среднему классу. Раздробленность и коррупция лидеров общин все еще осложняют жизнь в резервации, но уже в гораздо меньшей степени [Уоррен, 2019].

В статье «Не последние из могикиан», опубликованной в газете «Коммерсантъ» [Гамеллин, 1995], приводится много фактов, подтверждающих то, что, несмотря на большое количество проблем, унаследованных от времен дискриминации коренных американцев, многие индейские племена смогли успешно

адаптироваться к жизни в новых условиях. Например, по данным германского еженедельника «Die Zeit», доходы маленького племени шакопи из штата Миннесота в 1994 г. составили такую крупную сумму, что оно смогло выплатить каждому из двухсот своих взрослых соплеменников дивиденды в 400 тысяч долларов. Резервация другого племени, чактоу (штат Миссисипи), ныне представляет собой цветущий промышленно-жилой комплекс с фабриками, больницами, школами и клубом. В местной школе преподаются история и язык чактоу, есть свои музыканты и художники. Если 30 лет назад работу имели только около 10 % племени, то сейчас, наоборот, только 10 % ее не имеют.

Таким образом, сегодня коренные американцы США находятся в переломной ситуации: с одной стороны, по-прежнему в индейской среде нередки социальная и эмоциональная апатия, большая экономическая и психологическая зависимость от государства и потеря собственной культурной идентичности, с другой стороны, многие индейские племена демонстрируют поразительный пример национального возрождения в условиях западной рыночной экономики, ломая старые стереотипы об индейцах.

Австралия. Австралии, которая до 1970-х гг. запрещала аборигенам использовать их родной язык, принадлежит рекорд по числу погибших или оказавшихся под угрозой исчезновения языков: из 400 существовавших там в начале XX в. языков сейчас говорят всего на 25 [Исчезающие языки, 2014].

Однако в 1960-е гг. происходят заметные изменения в отношении к аборигенам и аборигенной культуре и языкам. В 1967 г. в Австралии право на получение гражданства австралийскими аборигенами было закреплено юридически. Развивается движение за возрождение культурной самобытности и предоставление аборигенам юридических прав на землю, традиционно занимаемую племенами. Принимаются законы, передающие земли резерваций во владение племенам коренных австралийцев на условиях самоуправления, и законы, защищающие их культурное наследие. С начала 1970-х гг. в самосознании австралийцев происходят существенные изменения: Австралия постепенно стала воспринимать-

ся ими не как часть Британии в Тихом океане, а как независимая поликультурная страна, в которой культуры и языки коренного населения и людей, прибывших из всех уголков мира, занимают свое законное место.

Поддержанию статуса аборигенов и их культуры способствовало создание в 2007 г. Национального аборигенного телевидения. В силу множественности аборигенных языков и их диалектов программы транслируются на английском языке. Кроме того, с 2010 г. введены образовательные телепередачи, позволяющие австралийцам и людям разных национальностей в мире изучать аборигенные языки. Одним из проявлений изменения отношения к коренному населению стало официальное извинение премьер-министра страны Кевина Радда, принесенное аборигенам 13 февраля 2008 г., за политику Украденных поколений (the Stolen Generations), проводимую в период с 1909 по 1969 г., а в некоторых местностях – и в 1970-е годы. Детей аборигенов насильственно отнимали от родителей под предлогом катастрофического падения рождаемости, вымирания и неспособности содержать себя и своих детей [Ощепкова, 2014, с. 121].

По свидетельству австралийского лингвиста Дж. Белл, в течение последних 30 лет коренные народы участвовали в укреплении их связи с традиционными языками посредством программ возрождения языков. Трудно оценить, сколько именно программ ревитализации языков было осуществлено в Австралии за этот период, однако в настоящее время многие из них успешно реализуются по всей стране через языковые центры коренных народов и общинные группы [Bell, 2013, p. 399].

Следует отметить, что данные примеры ревитализации обязаны своей успешностью в первую очередь активному участию государства, выражающемуся не только в финансовой поддержке, но и в других институциональных мерах. Среди других факторов, повлиявших на пересмотр идентичности страны и, как следствие, улучшение положения аборигенных языков, исследователи выделяют: мультикультурный / многоязычный состав населения Австралии; всемирное движение за права этносов, соблюдение принципов которого было провозглашено избранным в 1972 г. реформистским правительством, возглавляемым

Уитлемом; растущая потребность белых австралийцев жить в согласии с австралийцами-аборигенами (см., например: [Ощепкова, 2014, с. 121]).

Заключение

Рассмотрев положение миноритарных языков в странах Западной Европы, США и Австралии, мы видим, что разные западные страны прошли схожий путь изменения общественных стандартов по отношению к национальным меньшинствам и их языкам и культурам. Общемировые процессы демократизации и регионализации, смена европоцентристской парадигмы на признание ценности всех языков и культур, борьба за языковые права как часть прав человека привели к заметному улучшению положения миноритарных языков.

Несмотря на всю важность доброй воли государства и его национально-языковой политики, как было показано выше, не следует думать, что положение миноритарного языка определяется только этим. На современном этапе мировой истории, когда открытая репрессивная языковая политика уже невозможна, языковые установки и действия самих людей становятся реальной силой. Языковые активисты сегодня могут сделать многое для миноритарных языков, как это сделали корсиканцы, баски, саамы и другие меньшинства.

Анализ языковых ситуаций с миноритарными языками, когда, несмотря на общий парадигматический сдвиг, одни языки показывают пример успешной ревитализации, а другие – нет, обнаруживает значимость еще одного фактора – финансово-экономического. Он редко фигурировал в различных наборах факторов, определяющих витальность языка, по-видимому, потому, что раньше, как правило, языки исчезали в сообществах, лишенных власти, территорий, возможностей для поддержки и развития культуры, являясь, по словам Дж. Фишмана, частью более широких процессов социального, культурного и политического неблагополучия [Fishman, 1995]. Сегодня мир меняется, многоязычие превращается из сельского в городской феномен [Multilingual City..., 2016], какие-то меньшин-

ства становятся экономически успешными, и тогда появляются средства на проведение региональной языковой политики, возможность финансирования как преподавания миноритарного языка в школах, так и других мер языковой ревитализации. Это одна из причин того, почему баскский, каталонский, уэльский языки, часть языков американских индейцев находятся сегодня в лучшем положении, чем языки тех меньшинств, экономическая ситуация для которых не столь благоприятна.

Однако ни один из факторов не гарантирует 100%-й успех в сохранении миноритарных языков. Например, в современной Ирландии с самого обретения независимости реализуется активная и настойчивая языковая политика, согласно которой ирландский имеет статус первого официального языка (английский – второй официальный язык), преподавание его ведется во всех школах с первого до последнего класса, то есть как политический, так и экономический факторы благоприятны для ирландского языка. Тем не менее, по данным Ф. Пестея, сегодня в стране английский язык является родным для 95 % ирландцев, а ирландский – только для 1,1 % (от 60 000 до 70 000 носителей) [Пестей, 2013, с. 142].

Таким образом, изменение ценностной парадигмы, произошедшее в странах Запада, лишь задает рамочные условия для реализации языковых и других прав. Дальнейшее положение миноритарных языков зависит от совокупности взаимосвязанных факторов, роль которых в каждом конкретном случае предсказать крайне трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдьё П., 2005. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. № 2. URL: <http://bourdieu.name/content/burdeo-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogojazyka> (дата обращения: 12.09.2019).
- Гамеллин П., 1995. Не последние из могикан // Коммерсантъ. 6 мая (№ 83). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/108268> (дата обращения: 25.09.2019).
- Голомидова П. С., Сабуров А. А., 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. № 25. С. 61–77.
- Исчезающие языки, 2014 // Центр Льва Гумилева. 29 янв. URL: <https://www.gumilev-center.ru/ischezayushhie-yazyki> (дата обращения: 11.09.2019).
- Кожемяков А. С., 2015. Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М. : ИНИОН РАН. С. 32–45.
- Ле Коадик Р., 2013. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы : бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств : Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М. : Росинформагротех. С. 104–124.
- Ощепкова В. В., 2014. Англо-аборигенные культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации в Австралии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 2. С. 116–122.
- Пестей Ф., 2013. Официальное признание двуязычия на Корсике: итоги и перспективы // Языки меньшинств : Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М. : Росинформагротех. С. 125–144.
- Скачкова И. И., 2013. Отношение американцев к государственной языковой политике // Современные исследования социальных проблем. № 3 (23). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-25.
- Смокотин В. М., 2010а. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 178 с.
- Смокотин В. М., 2010б. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 222 с.
- Йоррен Д., 2019. The Daily Beast (США): как американские индейцы чудом избежали уничтожения и достигли процветания // Inosmi.ru. URL: <https://inosmi.ru/social/20190609/245216922.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- Хантингтон С., 2003. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ. 603 с.
- Bell J., 2013. Language Attitudes and Language Revival / Survival // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Vol. 34, № 4. P. 399–410. DOI: 10.1080/01434632.2013.794812.
- Breton R., 1999. Solidité, Généralisation et Limites du Modèle ‘Jacobin’ de Politique Linguistique Face à une Nouvelle Europe? // The Regional Languages of France: An Inventory on the Eve of the 21st Century / ed. by P. Blanchet, R. Breton, H. Schiffman. Leuven : Peeters. P. 81–94.

- Breton in France. Euromosaic Study, 1992. URL: http://www.ec.europa.eu/education/languages/archive/languages/langmin/euromosaic/fr3_en.html (date of access: 15 October 2019).
- Cenoz J., Gorter D., 2017. Minority Languages and Sustainable Translanguaging: Threat or Opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 38, № 10. P. 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855.
- Dunmore S., 2018. New Gaelic Speakers, New Gaels? Ideologies and Ethnolinguistic Continuity in Contemporary Scotland // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 23–44.
- Ethnologue : Languages of the World, 2020 / ed. by D. M. Eberhard, F. S. Gary, D. F. Charles. Dallas, Texas : SIL International. URL: <https://www.ethnologue.com/language/sme> (date of access: 15.10.2019).
- Fishman J. A., 1995. Good Conferences in a Wicked World: On Some Worrisome Problems in the Study of Language Maintenance and Language Shift // *The State of Minority Languages: International Perspectives on Survival and Decline* / ed. by W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon. Lisse, Netherlands : Swets and Zetlinger. P. 311–317.
- International Covenant on Civil and Political Rights, 1967 // United Nations. URL: http://www.un.org.ua/images/International_Covenant_on_Civil_and_Political_Rights_CCPR_eng1.pdf (date of access: 15.10.2019).
- Multilingual City: Vitality, Conflict and Change, 2016 / ed. by L. King, L. Carson. Bristol : Multilingual Matters. 240 p.
- Murchadha N. P. Ó., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M., 2018. New Speakers, Familiar Concepts? // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 1–22.
- O'Rourke B., Ramallo F., 2018. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 91–109.
- Regional and Minority Languages in the European Union, 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-589794-Regional-minority-languages-EU-FINAL.pdf> (date of access: 22 October 2019).
- Romaine S., 2015. The Global Extinction of Languages and Its Consequences for Cultural Diversity // *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education* / ed. by H. F. Marten [et al.]. [S. l.] : Springer. Vol. 13. P. 31–46. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3.
- Sallabank J., Marquis Y., 2018. We Dont Say It Like That: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 67–90.
- Selleck C., 2018. Were Not Fully Welsh: Hierarchies of Belonging and New Speakers of Welsh // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 45–65.
- Skuttnab-Kangas T., 2000. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum. 824 p.

REFERENCES

- Burdyo P., 2005. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimogo yazyka [On the Production and Reproduction of a Legitimate Language]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimogo-jazyka> (accessed 12 September 2019).
- Gamellin P., 1995. Ne poslednie iz mogikan [Not the Last of the Mohicans]. *Kommersant*, 1995, May 6 (no. 83). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/108268> (accessed 25 September 2019).
- Golomidova P.S., Saburov A.A., 2016. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennyye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 25, pp. 61-77.
- Ischezayushchie yazyki, 2014 [Endangered Languages]. *Tsentr Lva Gumileva* [Gumilev Center]. 2014, January 29. URL: <https://www.gumilev-center.ru/ischezayushhie-yazyki> (accessed 11 September 2019).
- Kozhemyakov A.S., 2015. Yazyki natsionalnykh menshinstv [Languages of Ethnic Minorities]. Troshina N.N., ed. *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka: sb. obzorov* [The Language Situation in Europe in the Early 19th Century: Collection of Reviews]. Moscow, INION RAN, pp. 32-45.
- Le Koadik R., 2013. My stolknulis s vragom, i on – eto my: bretonskiy yazyk vchera, segodnya, zavtra [We Have Met the Enemy and He Is Us: The

- Breton Language Yesterday, Today, Tomorrow]. *Yazyki menshinstv: Yuridicheskiy status i povsednevnyye praktiki. Rossiysko-frantsuzskiy dialog* [Minority Languages: Legal Status and Everyday Practices. Russian-French Dialogue]. Moscow, Rosinformagrotekh, pp. 104-124.
- Oshchepkova V.V., 2014. Anglo-aborigennyye kulturno-yazykovyye kontakty i ikh vliyaniye na formirovaniye yazykovoy situatsii v Avstralii [Anglo-Aboriginal Cultural and Language Contacts and Their Influence on the Formation of Linguistic Situation in Australia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series "Linguistics"], no. 2, pp. 116-122.
- Pestey F., 2013. Ofitsialnoe priznanie dvuyazychiya na Korsike: itogi i perspektivy [The Official Recognition of Bilingualism in Corsica: Results and Prospects]. *Yazyki menshinstv: Yuridicheskiy status i povsednevnyye praktiki. Rossiysko-frantsuzskiy dialog* [Minority Languages: Legal Status and Everyday Practices. Russian-French Dialogue]. Moscow, Rosinformagrotekh, pp. 125-144.
- Skachkova I.I., 2013. Otnosheniye amerikantsev k gosudarstvennoy yazykovoy politike [American Attitude Toward the State Language Policy]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Russian Journal of Education and Psychology], no. 3 (23). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-25.
- Smokotin V.M., 2010a. *Evropeyskoe mnogoyazychie: ot gosudarstv-natsiy k mnogoyazychnoy i polikulturnoy Evrope* [European Multilingualism: From Nation-States to Multilingual and Multicultural Europe]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 178 p.
- Smokotin V.M., 2010b. *Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezhyazykovykh i mezhkulturnykh kommunikativnykh baryerov v sovremennom mire* [Multilingualism and Problems of Overcoming Interlingual and Intercultural Communication Barriers in the Modern World]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 222 p.
- Warren J.A., 2019. The Daily Beast (SShA): kak amerikanskyye indeytsy chudom izbezhalo unichtozheniya i dostigli protsvetaniya [The Daily Beast (USA): How Native Americans Dodged Annihilation and Flourished]. *Inosmi.ru*. URL: <https://inosmi.ru/social/20190609/245216922.html> (accessed 10 September 2019).
- Huntington S., 2003. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ. 603 p.
- Bell J., 2013. Language Attitudes and Language Revival / Survival. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 34, no. 4, pp. 399-410. DOI: 10.1080/01434632.2013.794812.
- Breton R., 1999. Solidité, Généralisation et Limites du Modèle Jacobin de Politique Linguistique Face à une Nouvelle Europe? Blanchet P., Breton R., Schiffman H., eds. *The Regional Languages of France: An Inventory on the Eve of the 21st Century*. Leuven, Peeters, pp. 81-94.
- Breton in France. Euromosaic Study*. 1992. URL: http://www.ec.europa.eu/education/languages/archive/languages/langmin/euromosaic/fr3_en.html/ (accessed 15 October 2019).
- Cenoz J., Gorter D., 2017. Minority Languages and Sustainable Translanguaging: Threat or Opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 38, no. 10, pp. 901-912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855.
- Dunmore S., 2018. New Gaelic Speakers, New Gaels? Ideologies and Ethnolinguistic Continuity in Contemporary Scotland. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 23-44.
- Eberhard D.M., Gary F.S., Charles D.F., eds., 2020. *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas, SIL International. URL: <https://www.ethnologue.com/language/sme> (accessed 15 October 2019).
- Fishman J.A., 1995. Good Conferences in a Wicked World: On Some Worrying Problems in the Study of Language Maintenance and Language Shift. Fasé W., Jaspaert K., Kroon S., eds. *The State of Minority Languages: International Perspectives on Survival and Decline*. Lisse, Swets and Zeitlinger, pp. 311-317.
- International Covenant on Civil and Political Rights, 1967. *United Nations*. URL: http://www.un.org.ua/images/International_Covenant_on_Civil_and_Political_Rights_CCPR_eng1.pdf (accessed 15 October 2019).
- King L., Carson L., eds. 2016. *Multilingual City: Vitality, Conflict and Change*. Bristol, Multilingual Matters. 240 p.
- Murchadha N.P.Ó., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M., 2018. New Speakers, Familiar Concepts? Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practice*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 1-22.
- O'Rourke B., Ramallo F., 2018. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic*

- Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 91-109.
- Regional and Minority Languages in the European Union*, 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-589794-Regional-minority-languages-EU-FINAL.pdf> (accessed 22 October 2019).
- Romaine S., 2015. The Global Extinction of Languages and Its Consequences for Cultural Diversity. Marten H.F. et al., eds. *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education*. [S. 1.], Springer, vol. 13, pp. 31-46. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3.
- Sallabank J., Marquis Y., 2018. We Dont Say It Like That: Language Ownership and (De) Legitimising the New Speaker. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 67-90.
- Selleck C., 2018. Were Not Fully Welsh: Hierarchies of Belonging and New Speakers of Welsh. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 45-65.
- Skuttnab-Kangas T., 2000. *Linguistic Genocide in Education – Or Worldwide Diversity and Human Rights?* Mahwah, Lawrence Erlbaum. 824p.

Information About the Author

Erzhen V. Khilkhanova, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia, erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Информация об авторе

Эржен Владимировна Хилханова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Большой Кисловский пер., 1, 125009 г. Москва, Россия, erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>